

Н. Н. КЕЧАКМАДЗЕ

**ИЗ ИСТОРИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ ВИЗАНТИИ
В XI в.**

Византистика пока еще не обладает знанием фактического материала в достаточной мере для того, чтобы исследователь смог дать вполне ясную характеристику исторической обстановки, обусловившей появление оригинального учения Иоанна Итала. Мы еще не можем отчетливо представить себе главные причины возникновения этого учения. В таком же или в еще более беспомощном положении окажется тот, кто попытается проследить дальнейшие судьбы теорий Итала, выявив влияние его идей на мыслителей последующих столетий. В данное время мы в состоянии установить только некоторые моменты учения Итала, исходя главным образом из содержания его трактатов. Эти трактаты касаются разных тем, в основном философских; в них освещены и вопросы логики, грамматики, теологии, медицины, астрономии.

Но и тут ученый сталкивается с большими трудностями, иногда непреодолимыми. Почти все произведения Итала представляют собой записи лекций, читанных философом в Константинопольском университете. Записи эти сделаны не только профессором, но и его ассистентами, учениками; встречаются и посмертные записи. Так, в нескольких местах произведений мы находим выражения: «Как передает наш великий учитель; так сказал Иоанн Итал, наш учитель».

Но трудность заключается не только в том, что ученики Итала могли внести в трактаты свои исправления и добавления. Часто невозможно отделить мысли философа от мнений ученых прежних эпох: ведь он читал курс истории философии и, рассуждая о родах и видах, добродетели и космогонии, причинах и следствиях и о многом другом, излагал взгляды древних ученых, но не забывал и о собственной точке зрения. Нередко при этом он не подчеркивал особо своих взглядов, надеясь на догадливость современного ему слушателя. В таких случаях указать грань, где кончается изложение чужого мнения и где следует видеть собственные мысли нашего философа, довольно трудно, вполне возможно приписать Италу чуждую для него теорию. Немало здесь встречается противоречивых и путаных рассуждений, сложных и непонятных из-за наличия разного рода наслоений.

Тем не менее, несмотря на все эти трудности, все-таки можно хотя бы частично выделить то, что непосредственно принадлежит нашему философу; а также идеи, которых он придерживается.

При близком знакомстве с сочинениями Итала читатель выносит впечатление о ясности мысли философа, свободного от всяких предрассудков, осуществляющего чисто научный подход к исследуемым вопросам. Итал четко отличает философию от всего другого; он не признает прав и

притязаний теологии, не ограничивает себя требованиями господствующих взглядов на вещи, завоевывая уважение читателя отсутствием лицемерия и низкопоклонства перед всемогущим авторитетом церкви и правителей государства.

Такая смелость говорит о гражданской порядочности и мужестве.

Уже Михаил Пселл, не будучи таким принципиальным и мужественным человеком, как Итал, и отличавшийся ловкостью и изворотливостью придворного чиновника, «отделил философию от теологии и требовал от нее строгой доказательности»¹. Несмотря на всю ничтожность своего характера, этот государственный деятель, обладая всесторонними энциклопедическими знаниями, «исследовал природу всего сущего и стремился доказать свои положения так, как это делает математика»². Но Пселл считал богословие более высоким видом философии. По его мнению, оно с одной стороны опирается на доказательства, а с другой — основывается на вдохновении свыше. Поскольку и богословы стремятся обосновать свое учение, они не могут пренебрегать силлогизмами. «Я, — говорит Пселл, — не презирал силлогизма, так как хотел видеть господа ясно. Силлогизм есть лишь орган истины и не заключает в себе ничего противного церкви»³.

Совершенно по-другому обстоит дело у Итала. Итал кое-где касается богословских вопросов, но и их он исследует в соответствии со строго научным методом, с последовательностью настоящего ученого. Он чужд всякой мистике и не признает мистический экстаз как способ постижения единого. Существует лишь знание фактов и понятий и логическое рассуждение о них, будь то вопрос о воскресении и вечности мира (88 трактат) или чисто философский вопрос о природе материи и движении, о форме, о родах и видах и пр. Вальденберг отмечает, что Итал часто обращается к Аристотелю. Ему чужда интуитивность, и сочинения его носят вполне трезвый характер. Никогда не делает он и ссылок на писание⁴.

Итал не признает аргументацию, основанную на церковных авторитетах. Примером этого является седьмой трактат, где он, рассуждая «о самосущей сущности», которая для утверждения своего бытия ни в чем другом кроме себя не нуждается, произносит знаменитые слова: «Следует считаться с принятым у греков мнением, так как они являются учителями этой науки, и подобные вопросы следует решать согласно взглядам греков, хотя бы они и противоречили церковным догматам».

В другом месте, в комментариях к *Τὰ τοπικά* Аристотеля, рассуждая о топосах в доказательстве случайного признака и говоря о топосах сравнения, комментатор перечисляет разные моральные качества, сравнивает их и отдает предпочтение лучшим из них, таким, например, как: хорошее действие лучше доброго существования; общественные интересы следует ставить выше частных, ибо «общее связывает, частное же разрушает города»; быть объектом несправедливости лучше, чем причинять несправедливость; славная смерть лучше позорного спасения; справедливая бедность лучше несправедливого богатства. Мы с большей убедительностью доказываем, утверждает он, что добродетель лучше счастья и знание лучше истинной веры (*ἐπιστήμην ὀρθῆς δόξης αἰρετωτέραν*).

Последнее положение является самой главной мыслью Итала. При всяком удобном случае он и прямо и косвенно проводит эту главную идею,

¹ В. Вальденберг. Философские взгляды М. Пселла. — «Византийский сборник». М., 1945, стр. 252 и сл.

² Там же, стр. 253.

³ Н. Г. Веск. *Kirche und theologische Literatur im Byzantinischen Reich*. München, 1959, S. 538; Н. W. Haussig. *Kulturgeschichte von Byzanz*. Stuttgart, 1959, S. 490.

⁴ В. Вальденберг. Указ. соч., стр. 254. См. также P. Ionnou. *Die Definition des Seins bei Eustratios von Nikaia*. — BZ, 47, H. 2, 1954, S. 373.

составлявшую основной смысл его деятельности. Он везде и всюду старается дойти до сути вещей при помощи силлогизмов и диалектики, без ссылок на священные книги, без учета раз принятых догматов⁵. Итал пытается вскрыть положительные и противоречивые стороны исследуемых явлений. Приведем лишь один пример этого: в начале трактата «О затмении солнца» (51 трактат) автор, как мы полагаем, только ради приличия, говорит, что «причиной затмения солнца, как и причиной других явлений, считается бог, [причем] причиной не непосредственной, а опосредствованной другими, от него возникшими силами». После этого вступления автор отбрасывает в сторону мысль о боге и объективно излагает подлинные причины, приводя вполне научные доказательства для объяснения этого явления: «Причиной затмения солнца является встреча с луной, которая превращается в спутника солнца и затемняет его. Тут перед нашими глазами появляется темнота, и для нас становится невозможным обозреть всю массу солнца. Таково затмение солнца, и мудрейшие полагают, что оно так случается».

Предпочтение, отдаваемое человеческому разуму перед верой, свидетельствует о высоком уровне образованности некоторых ученых в Византии. И в этом отношении Итал не является исключением. Константинополь был крупнейшим центром культуры. Высшая школа византийской столицы оказывала влияние на развитие науки многих стран. Со всех концов мира молодежь стекалась туда, привлеченная жаждой знаний. Во времена Пселла и Итала науки в столице процветали. Получив образование в университете, молодые люди возвращались в свои страны, где способствовали росту образованности. Этот путь был пройден и талантливым учеником Итала, Иоанном Петрици.

Средоточием образованности были города, там и появились рационалистические идеи. В XI в. представители императорской династии Дук были меценатами и способствовали процветанию высшей школы, получившей новое направление под руководством талантливого энциклопедиста Михаила Пселла. Расширение образованности и общее повышение уровня науки привело не только к созданию университета, но и к составлению многочисленных энциклопедий и сборников разнообразного содержания. Сам Пселл не пренебрегал подобными занятиями. Его перу принадлежит *Διδασχαλία παντοδαπῆ*, т. е. энциклопедия, в которой сконцентрированы достижения разного рода наук. Итал уже не занимается этим. Обладая всесторонними знаниями, он обобщал результаты исследований отдельных отраслей знания.

Для характеристики расцвета просвещения в Византии XI в. самым важным является рационалистическое направление, отдававшее предпочтение разуму и научному методу. Серьезное значение имело также то обстоятельство, что мыслители XI в. и в особенности Итал часто обращались к сочинениям античных писателей. В мнениях древних они нуждались как в примерах преимуществ свободного разума. Будучи рационалистом, Итал интересовался материальным содержанием учений античных мыслителей, так как их рассуждения были близки к собственным взглядам философа. Традиции античного наследия в Греции не исчезали полностью ни в один из периодов самого мрачного средневековья, но никогда обращение к античным теориям не принимало таких широких размеров, как в XI в. Не случайно этот век принято считать веком ренессансных тенденций, в особенности в области философских идей. По нашему мнению, И. Дуйчев не совсем прав, утверждая в своей статье «Гуманизм Иоанна Итала», что «на самом деле родиной Ренессанса является

⁵ E. V. Ivánka. Die Krone der Komnenen.— «Byzantinische Geschichtsschreiber», Bd. VI. Wien, 1958, S. 202.

Италия, так как первый представитель Ренессанса Иоанн Итал был родом из Италии»⁶.

Итал с большим почтением относится к высказываниям и доказательствам античных мыслителей и признает их бесспорный авторитет. Особенно часто он ссылается на Аристотеля.

В материалах процесса против Итала главным обвинением против него является приверженность нашего философа к древнегреческим ученым. Из одиннадцати пунктов анафемы шесть упоминают в связи с Италом эллинские учения (пункты II, III, IV, V, VII, X, XI)⁷. Но и остальные пять пунктов, в которых не упоминается слово «эллин», содержат такие положения Итала, которые основаны на теориях Аристотеля, Платона и других античных философов.

Из материалов судебного разбирательства и из содержания трактатов можно заключить, что та «ересь», из-за которой осудили Итала, и те ошибки, которые церковь ему приписывала, вытекали из взглядов древних философов, которых Итал детально изучал. Даже из текста анафемы явствует, что теории, толкователем которых был Итал, есть именно те теории, которые разрабатывались античными мыслителями (безначальная материя, бытие собезначальное Создателю, перевоплощение душ, вопрос о небе и земле и т. д.). Если Итал касался главных догматов христианства, то он занимался ими в философском плане, рассматривая их в свете того или иного философского учения.

Мы попытаемся перечислить вопросы, которые создают как бы систему. В рассуждениях нашего философа есть некая система, но было бы неверно утверждать, что мнения Итала о материи, о форме, о мироздании является плодом его собственной мысли. Если не все, то большая часть этих мыслей встречается в той или иной форме у древнегреческих философов, последователем которых является Итал.

Очень сложно и запутанно учение Итала о душе. В 50-м трактате и в некоторых других трудах Итал придерживается мнения, что душу, связанную с телом, нельзя считать бессмертной, что нет развития души после гибели тела и т. д. Но в целом в учении Итала о душе чувствуются наследиия разных эпох и влияния противоречивых учений⁸.

Все досократики, Аристотель, стоики, эпикурейцы признавали вечную материю, несотворенную («голую») возможность, основу всего сущего. Для Аристотеля материя есть единая сущность вещи, возможность (*δύναμις*), переходящая в готовую действительность (*ἐνέργεια*) через образующую форму (*εἶδος*). Материя и форма находятся в таком соотношении, что не существует ни материи без формы, ни формы без материи.

Согласно Аристотелю, материя есть нечто еще не ставшее действительностью и в то же время не возникшая и не преходящая основа всех вещей⁹.

⁶ I. D u i ĉ e v. L'umanesimo die Giovanni Italo. — «Studi Bizantini e Neoellenici», v. 5. Atti del V congresso internazionale di studi Bizantini. Roma, 20—26, Settembre, 1936; Storia filologica diritto. Roma, 1939, p. XVII.

⁷ II) «Вводящим бесстыдно или скорее нечестиво злочестивые эллинские учения в православную и соборную церковь о человеческих душах, о небе, земле и других творениях — анафема. III) кто отдает предпочтение глупой мудрости внешних философов...» IV) «кучащим о безначальной материи...» V) «говорящим, что эллинские мудрецы и первые из ересеначальников... лучше, чем мужи благочестивые и православные...» VI) «проходящим эллинские учения и обучающимся им не ради только обучения, но и следующие их суетным мнениям и верующим в них, как в истинные...» X) «принимающим и передающим суетные эллинские глаголы...» XI) «эллинским и инославным догматам и учениям, введенным вопреки христианской и православной вере...» (перевод А. Ф. Лосева: «Очерки античной символики и мифологии, Анафемы на Иоанна Итала, платоника XI в.).

⁸ P. I o a n n o u. Die denkende Seele in der byzantinischen Metaphysik. — «Philosophisches Jahrbuch», 64, 1956.

⁹ Metaph., VII, 1, 1042a, 32a, 3, 1043 в 14 (В и н д е л ь б а н д. История древней философии. СПб., 1898. стр. 224).

Точно с такими же определениями мы сталкиваемся и в трудах Итала. Материя вечно движется, стремится к форме; нет формы без материи, и нет материи без формы.

В 24-м трактате, где обсуждается вопрос о видоизменении вещей, явившемся результатом воздействия формы, а не материи, говорится, что материя вечно существовала и существует, она находится вне времени, а форма видоизменяется и является временной. Материя вечно находится в процессе изменения, поэтому в онтологическом смысле она и существует в одно и то же время, хотя является вечной и остается основой всех вещей. При любой форме материя едина и имеет одну сущность (70-й трактат). В этическом смысле материя является злом и лишением. Злом, так как в своем вечном движении она принуждает форму к вечной изменчивости и гибели; лишением, так как постоянно нуждается в образовании, в форме. Эта мысль также заимствована Италом у древних философов.

В 50-м трактате Итал утверждает, что существует только движение, так как изменение происходит в процессе движения и развитие есть продукт движения. При неподвижности нет развития, поэтому мнение Зенона, доказывающего, что не существует движения, является бессмысленным.

Из вышеизложенного учения о материи вытекает учение о вечности и безначальности мира; это противоречит, как уже подметил Ф. И. Успенский, основному догмату церкви о роли создателя в процессе миротворения¹⁰. Иногда Итал употребляет выражение *κόσμος φθαρτός* и доказывает тленность мира. У древнегреческих философов предполагается вечное возвращение миров, за гибелью одного мира следует возникновение другого мира. Миры постоянно погибают, а затем вновь возникают один от другого, так что в выражении *κόσμος φθαρτός* последнее слово является не абсолютным, а временным понятием. Такой же смысл имеет понятие *φθαρτός* и в трудах Итала, который, таким образом, совмещает теорию вечной переменчивости видов вещей, вечно движущейся и вечно существующей материи с теорией безысходной и окончательной гибели мира¹¹.

Таким образом, вполне логичной оказывается и мысль о том, что действительность не возникает *ex nihilo*. Создание из ничего предполагает наличие чуда. Итал не признает чуда, а следовательно и теории сотворения: *τεράτων ἀνοπαρξτων* (не существует чуда), *τεράτωνδέστερον ἢ γέλαιωνδέστερον* (более похожее на чудо или более смешное). С этим можно поставить в связь и трактовку Италом вопроса о воскресении (86-й трактат). По мнению философа, наши тела воскреснут не в той материи, которую они имели до своей гибели, так как эта материя погибает и истлевает. Тела облекутся при воскресении в иную материю.

К этой же системе прогрессивных воззрений Итала примыкают его взгляды на вопрос о родах и видах. Согласно Аристотелю, который строил свою логику на отношениях общего к частному, общее не обладает никакой отдельной от чувственных вещей высшей действительностью, оно существует лишь в частностях — в предметах. Существует единичная вещь, которая мыслится в противопоставлении своим изменяющимся состояниям и отношениям *συμβεβηκота* и притом так, что только в ней одной осуществляется общее определение. Родовые и видовые понятия (*γένη καὶ εἶδη*) всегда суть лишь качества вещей, общие многим предметам, в которых они только и могут существовать и в которых они только и могут выявляться. Они существуют не помимо многого, т. е. вещей,

¹⁰ Ф. Успенский. Иоанн Итал и его школа. Архив АН СССР, фонд Успенского № 116, опись 1, № 124 (на франц. яз.).

¹¹ См. высказывания об этом ученика Иоанна Итала, Евстратия Никейского: P. I o a n n o u. Die Definition des Seins bei Eustratios von Nikaia (1117). Der Nominalismus und die menschliche Psychologie Christi.— BZ, 47. S. 361.

а вместе с многим, т. е. с вещами. Благодаря этому пункту учения Аристотеля его впоследствии стали считать противником реализма в схоластическом смысле этого слова, т. е. в смысле признания метафизического первенства родовых понятий¹².

В основном Итал следует за Аристотелем, но у Итала учение о родах и видах представлено более сложно, как и у западных номиналистов. Исходя из Порфирия он изучает вопрос всесторонне, но всегда приходит к одному неизбежному выводу: общие понятия (роды и виды) существуют не отдельно от вещей, а в предметах; они могут относиться и к основному признаку, и к случайному; они представляют собой целое.

В своем увлечении признанием права реального, а не доксального существования всех явлений природы Итал доходит до того, что даже отрицательно относится к общему в смысле этическом. Он считает общее худшим, а частное, видимое, непосредственно чувством воспринимаемое — лучшим.

В 52-м трактате и в других работах Итал доказывает, что раз общее находится в предметах, а в предмете кроме общего есть еще и свойства отдельной вещи, то, следовательно, частное богаче, предпочтительнее, лучше общего. Дальше развита эта мысль в том же трактате: частное полнее общего, общее — беднее; действующей и развивающейся частью в предмете является частное, а общее не действует; следовательно, частное лучше общего.

При исследовании не только вопросов философии, но и других дисциплин Итал пользуется тем же методом — стремится исследовать причины явлений и найти противоречия в противоположных суждениях. Так он поступает, например, при исследовании вопросов грамматики, которыми он занимается в 64-м трактате (и в некоторых других), в письме, адресатом которого являлся талантливый грузинский ученый Иоанн Петрици, студент Константинопольского университета, ученик Итала. В этом трактате дается учение о частях речи. Автор считает неправильной ту классификацию частей речи, которая была принята в античности и удерживалась и в его время. Он рассматривает каждую часть речи, исходит из ее содержания, ищет противоречия в определениях. В каждой части речи он находит апории, что, по его мнению, создает безвыходное положение и делает неприемлемой принятую дефиницию. Итал не дает здесь позитивных определений, его цель — показать негативные стороны существующего деления и этим в дальнейшем способствовать открытию другого принципа. После грамматических дефиниций он приводит логические, так как, по его мнению, одностороннее описание, формальное или семантическое, не дает полной картины. Обращение к логике при решении вопросов грамматики вполне закономерно для грамматического мышления средневековья, но в данном случае нас интересует метод исследования ученого. Он не навязывает готовых формул, а идет по пути чистой логики и философии, в то время как предшествующие и последующие грамматики не обходились без цитат из Священного писания. Таким же образом рассуждает Итал о вопросах грамматики в трактате «О диалектике», в «Комментариях к *Περὶ ἔριμης*» и в других сочинениях.

Каковы политические симпатии и антипатии этого большого мыслителя, в чем заключаются политические взгляды ученого?

Тот факт, что император Алексей Комнин вынужден был заняться процессом против Итала при самых тяжелых для империи обстоятельствах, указывает на политическое значение личности Итала¹³.

Императоры и представители столичной знати покровительствовали наукам. Из сведений Анны Комнины выясняется, что Итал был другом и

¹² В и н д е л ь б а н д. История древней философии, стр. 219—220.

¹³ Н.-Г. В е с к. Kirche und theologische Literatur im Byzantinischen Reich., S. 542.

близким человеком Михаила VII Дуки, который интересовался науками. Анна в III книге «Алексиады» говорит: «С Италом вступили в дружбу царствовавший в то время Михаил Дука и его братья. Отдавая предпочтение Пселлу, они тем не менее любили Итала и использовали его в словесных состязаниях: ведь Дуки — как братья самодержца, так и сам император — были очень просвещенными людьми»¹⁴.

Друг образованного императора-мецената Итал был, наверное, недоволен победой военной партии, враждебной партии Дук, так как победа военных означала ограничение затрат на образование и умаление значения Высшей школы. Не удивительно, что при своем несдержанном характере Итал мог высказываться по этому поводу и выставить самодержца Алексея в невыгодном освещении.

Алексея Комнина меньше всего могли интересовать еретические мысли Итала¹⁵. В вопросы веры и церкви император вмешивался только тогда, когда эти вопросы оказывались тесно связанными с острыми проблемами государственной политики.

Алексей расправился с богомилами, так как в их движении проявлялась классовая борьба крестьянства. В 1082 г. он конфисковал имущество церкви, так как ему нужны были средства для войны против норманнов. С Италом он боролся, так как видел в нем своего злейшего врага. Намек на эту борьбу императора с философом мы находим в 71-м трактате Итала, где, обращаясь к императору, ученый наставляет его примерно в следующих словах: «Для царя важно и полезно не только заниматься военными делами, быть полководцем, вооруженным копьеносцем, а важнее общаться с науками, исследовать детально научные вопросы. Только благодаря этому делаемся мы совершенными и обладателями добродетели. А военные дела нас отделяют от совершенства. Мы делаемся вершителями дурных дел, ибо мы отталкиваем от себя самое прекрасное, а именно — знание».

По нашему мнению, Итал выступает здесь явно против политики Алексея I, что и послужило подлинной причиной процесса против философа, а не его якобы еретические воззрения.

Таким образом, Иоанн Итал создал учение, которое содержит в себе немало черт, позволяющих характеризовать этого ученого как представителя византийского философского ренессанса, как провозвестника подлинного, итальянского Ренессанса¹⁶.

Причину того, что в Грузии сразу же после Иоанна Петрици создались условия для дальнейшего развития тенденций Ренессанса, а в Византии этого не случилось, следует искать, вероятно, в различии исторических условий, сложившихся в одно и то же время в обеих странах.

¹⁴ Анна Комнина. Алексиада. Перевод Я. Н. Любарского. М., 1965, стр. 172.

¹⁵ Н.-Г., Веск. Op. cit., S. 339.

¹⁶ W. Haussig. Op. Cit., S. 491.